

НАТАЛИЯ СОТНИКОВА

ФАВОРИТКИ И ФАВОРИТЫ

*Что
гудит
королев*



Фаворитки и фавориты

Наталия Сотникова

Что губит королев

«Алисторус»

2019

УДК 82-84
ББК 84.3

Сотникова Н. Н.

Что губит королев / Н. Н. Сотникова — «Алисторус»,
2019 — (Фаворитки и фавориты)

ISBN 978-5-907149-60-1

Существовали ли веские основания для осуждения и казни юной Кэтрин Говард, пятой жены английского короля Генриха VIII, или же меч палача рассек нежную шейку невинной жертвы клеветников и завистников? Почему София-Доротея Цельская, супруга короля Великобритании Георга I, не поделила с ним бремя власти на троне, а провела 32 года в заключении? Отчего Каролина-Матильда, жена безумного короля Дании и Норвегии Кристиана VII, была лишена трона, права на воспитание детей и навечно сослана в провинциальный немецкий городок? В отличие от их всемогущих мужей, не стеснявшихся обзаводиться фаворитками и, как правило, не скрывавших этого, королевам не позволялось следовать склонностям своего сердца. Прелюбодеяние венценосной супруги приравнивалось к государственной измене, и, чаще всего, именно фавориты губили королей. Известный автор Наталия Сотникова в своей новой книге предлагает повествования о горестной судьбе женщин, осмелившихся подчиниться велению души и сердца.

УДК 82-84

ББК 84.3

ISBN 978-5-907149-60-1

© Сотникова Н. Н., 2019

© Алисторус, 2019

Содержание

Самая юная и ветреная	7
Первые Тюдоры на английском троне	7
Несчастье счастливой семьи	9
Невеста-протестантка	12
Нищая, но родовитая	14
Неожиданный поворот судьбы	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Н.Н. Сотникова
Что губит королев

*Давая возможность авторам высказаться, Издательство
может не разделять мнение авторов.*

Самая юная и ветреная

Первые Тюдоры на английском троне

Король Англии Генрих VIII (1491–1547) Тюдор, вступавший в брак шесть раз и казнивший двух своих жен, вошел в историю в основном как олицетворение сказочной Синей Бороды. Надо сказать, что подобная матримониальная лихорадка частично объяснялась патологически страстным желанием монарха иметь законного наследника мужского пола. Это желание по какой-то роковой предрешенности никак не исполнялось.

Некоторые специалисты полагают, что не последнюю роль в этом сыграла бабка Генриха по отцу, королю Генриху VII, Маргарет Бофорт (1441/43–1509). Собственно говоря, именно через нее Тюдоры, хундородные дворяне из Уэльса¹, обрели возможность притязания на английский трон после смерти дурной памяти короля Ричарда III Плантагенета. Маргарет, единственная наследница богатейшего герцога Сомерсета, была праправнучкой короля Эдуарда III. В возрасте 12 лет, по воле короля Генриха VI, ее выдали замуж за 24-летнего Эдмунда Тюдора. Это событие совпало с началом войны Алой и Белой розы, в ходе которой Эдмунд, сторонник дома Ланкастеров, попал в плен к приверженцам Йоркской династии и в заключении умер от какого-то инфекционного заболевания. Однако, юная вдова осталась беременной и в возрасте тринадцати лет родила сына. По причине малолетства и хрупкой подростковой конституции Маргарет роды были тяжелыми, и медикам пришлось прибегнуть к кесареву сечению. Несмотря на ужасающее состояние гигиены сих далеких времен, Маргарет оправилась и прожила почти семьдесят лет, что в ту пору было редкостью. Она еще дважды выходила замуж, но детей у нее больше не было. Есть подозрения, что слишком юный возраст матери оказал известное влияние на здоровье ее потомков и их способность к продолжению рода. Во всяком случае, Тюдоры продержались на троне Англии всего 120 лет – чрезвычайно короткий период для истории. Отягощенные болезнями, обремененные дурной наследственностью, мучимые всяческими комплексами, они просто-напросто вымерли, не оставив потомков.

Взошедший на престол в 1485 году сын Маргарет Генрих VII, глава дома Ланкастеров, через год женился на Елизавете Йоркской, как бы скрепив этим союзом мир между воевавшими кланами Алой и Белой роз. Из выживших в этом браке четверых детей основные надежды возлагались на сыновей Артура (1486–1502) и Генриха (1491–1547). Артур, по желанию отца и из чисто политических соображений, в 1501 году вступил в брак с дочерью испанской королевской четы Фердинанда и Изабеллы, Катариной Арагонской (1485–1536). Невесте было шестнадцать лет, жениху – пятнадцать. По прошествии четырех месяцев молодоженов сразила неведомая болезнь; Катарине удалось выздороветь, наследник же престола скончался, не дожив до шестнадцати лет. Впоследствии, вплоть до самой своей смерти, Катарина утверждала, что брак был заключен лишь формально, а фактически – нет, она-де осталась девственницей.

Не успели завершиться положенные, надо признать, весьма длительные сроки придворного траура, как государственные мужи и дипломаты Англии принялись ломать голову над тем, как бы оставить Катарину у себя. Генрих VII получил в наследство разоренную войнами страну, а потому все время своего царствования посвятил укреплению экономики и накоплению денег, превратившись в результате в натурального скрягу. За Катариной монаршие родители дали в

¹ Представителю этого рода, Оуэну Тюдору, удалось получить пост при дворе короля Генриха V. После смерти короля его вдова Катрин де Валуа взяла Оуэна в мужья и родила нескольких детей, старшим из которых был Эдмунд Тюдор. Таким образом, Эдмунд приходился единоутробным братом королю Генриху VI, унаследовавшему трон после Генриха V.

приданое 200 000 крон (около 5 миллионов фунтов по нынешнему курсу), причем выплатили наличными лишь половину, и причитавшийся должок по причине смерти зятя, понятное дело, отдавать не собирались. Выход был один: женить на Катарине принца Генриха. Однако провести этот план в жизнь было не так-то просто: бракосочетание со вдовой брата по церковным канонам считалось кровосмешением, т.е. тяжелейшим грехом. После восьми лет крючкотворства и смерти короля Генриха VII его наследник тут же обвенчался с Катариной, причем, как утверждают современники, все выглядело таким образом, что, невзирая на пятилетнюю разницу в возрасте, молодых людей на самом деле объединило сильное взаимное чувство.

Несчастье счастливой семьи

Справедливости ради следует признать, что молодой Генрих выглядел чрезвычайно привлекательно: рост – 1,87 м, атлетически сложенный, красивый мужчина. Он играл в теннис, был страстным охотником, отличным танцором, участником турниров, любителем музыки, которую сочинял и сам. В отличие от скупого отца Генриху была свойственна неимоверная расточительность, он обожал роскошь и устраивал бесконечные празднества. Управление государством король переложил на своих министров, сначала на кардинала Уолси, а затем на Томаса Кромвеля. Однако главным, что беспокоило Генриха, было отсутствие наследника мужского пола: из всех шестерых рожденных его супругой детей выжила лишь дочь, будущая королева Мария I, а после 1518 года беременности у Катарины вообще прекратились. Генрих понял, что единственным выходом является развод с ней и женитьба на молодой плодовитой женщине. Он прижил побочного сына Генри Фицроя (1519–1536) от фрейлины королевы Элизабет Блаунт, публично признал его и очень любил, но тот скончался от чахотки, не успев обзавестись потомством. К тому же, исторический опыт Англии непреложно диктовал: во избежание кровопролитных распрей корона должна быть возложена на голову наследника, рожденного в браке.

Катарина Арагонская обладала сильнейшей поддержкой в католическом мире, включавшей в себя не более и не менее как самого папу римского и могущественного императора Карла V, ее племянника, объединившего под своей короной вместе Австрию и Испанию со всеми ее заморскими владениями. Отсюда все попытки английских церковников и законников признать ее брак с Генрихом недействительным заканчивались неудачей. Это буквально выводило из себя короля, не терпевшего никаких преград исполнению своих желаний. Хотя по всей Европе расширялось движение Реформации, он ранее позиционировал себя как противник каких бы то ни было церковных реформ и за свою книгу, направленную против протестантизма, получил от благодарного папы титул *Defensor Fidei* – «защитник веры». Однако теперь он более внимательно прислушивался к требованиям своих подданных, требовавших церковных реформ и недовольных католической церковью. Генрих VIII решился на проведение религиозной реформы, отделился от католической церкви и создал свою, протестантскую англиканскую, главой которой является король.

К этому времени он уже сожительствовал с фрейлиной своей жены Анной Болейн (ок. 1501/1507 – 1536). Не сказать, чтобы она была ослепительной красавицей, но имела оригинальную внешность по сравнению с модными тогда белокожими блондинками: темные волосы, черные очи с чарующим взглядом из-под длинных ресниц, смуглая кожа, плюс к тому хорошая фигура. Будучи воспитанной при французском дворе (ее отец был дипломатом и остро осознавал ценность приобщения к континентальной культуре), Анна в совершенстве изучила как сложный этикет, так и тонкое искусство кокетства, была неглупа, образованна, прекрасно танцевала, играла на флейте и еще нескольких инструментах, одевалась исключительно по последней французской моде. Она также отлично ездил верхом, стреляла из лука и была обучена соколиной охоте. Во время начала романа с Анной Генриху было 35 лет, и, невзирая на уже начинающуюся полноту и редящие волосы, он выглядел вполне представительно. Король страстно увлекся Анной и даже хотел сделать ее официальной любовницей, но та поставила себе целью стать королевой и упорно настаивала на законном браке. По-видимому, она сделала должные выводы из интрижки короля со своей старшей сестрой, Мэри Болейн (1500–1543), которой не суждено было продлиться долго, и отправленную в отставку девицу побыстрее выдали замуж за постельничего Уильяма Кэри (1500–1528). Поскольку в декабре 1532 года Анна забеременела, 25 января 1533 года король вступил с ней в тайный брак, а 25 мая того же года его брак с Катариной Арагонской был объявлен недействительным. 1 июня Анна с большой пышностью была коронована английской королевой.

Катарину Арагонскую с небольшим штатом прислуги, состоявшим из шпионивших за ней людей, поселили в скромный замок, ранее жилище бывшего английского посла в Испании. Отвергнутая королева проводила время в молитвах и вышивании дорогих покровов для расположенных в округе церквей. Опасаясь отравления, бедная женщина не ела и не пила ничего из того, что подавали ей на стол слуги, а питалась исключительно пищей, приготовленной под ее личным присмотром в ее комнате доверенной камер-фрау.

К разочарованию Генриха, Анна родила девочку, будущую королеву Елизавету I. Дальнейшие две беременности закончились мертворожденными младенцами, и Генрих серьезно задумался о том, чтобы заключить новый брак. К тому же Анна не была покорной и послушной женой, она могла прилюдно начать пререкаться с супругом и возражать ему, чего тот совершенно не переносил. В январе 1536 года в полном забвении тихо скончалась Катарина Арагонская. Теперь король, как вдовец, начал проявлять все большее внимание к фрейлине своей жены, невидной, но спокойной и добродетельной девушке благородного происхождения, Джейн Сеймур. Однако его брак с Анной церковь считала действительным, и Генрих во всеуслышание заявил, что жена принудила его к венчанию, прибегнув к колдовству.

Он учредил тайную комиссию, которой было поручено собрать сведения о неподобающем поведении Анны. 1 мая она была арестована и заключена в Тауэр. Ей предъявили совершенно необоснованное обвинение в 5 случаях нарушения супружеской верности, кровосмесительной связи с собственным братом Джорджем Болейном и участии в заговоре с целью убийства короля. Обвинение также было предъявлено соучастникам, придворным Фрэнсису Уэстону, Генри Норрису, Уильяму Брретону и Марку Смитону. Обвиняемые, за исключением Смита (по-видимому, не выдержавшего пыток), отрицали свою вину. Впоследствии историки выяснили, что все мужчины, проходившие по делу, имели сильно выраженные гомосексуальные наклонности. Однако обвинение в содомии им не было предъявлено по понятным причинам – это делало несостоятельной версию нарушения Анной супружеской верности.

15 мая состоялся суд, на котором был вынесен смертный приговор Анне и обвиняемым вместе с нею. Сначала в исполнение был приведен приговор соучастникам, затем 17 мая были казнены Анна и ее брат. В качестве особой милости для казни королевы в Лондон привезли из Кале французского палача, который действовал топором и был способен прикончить свою жертву с первого взмаха. Английские мастера заплочных дел пользовались мечом, и нередко несчастный приговоренный к смерти отдавал Богу свою нагрешившую душу лишь после трех-четырёх заходов.

30 мая Генрих обвенчался с Джейн Сеймур.

Новой жене не суждено было долго радовать короля, судьба отмерила ей всего 18 месяцев. Ее коронование Генрих предусмотрительно отложил на время после рождения наследника. Джейн действительно родила долгожданного сына, которого окрестили Эдуардом, но через две недели, 24 октября 1537 года, скончалась от родильной горячки.

Как король, так и его придворные считали, что наличие единственного наследника короны угрожает стабильности престолонаследия, а потому королю следует вновь жениться. Уже зимой 1537/38 года начались активные поиски невесты.

Надо сказать, что Генрих, неумеренно предававшийся чревоугодию и, по-видимому, рано заработавший сахарный диабет и другие болезни, постепенно превращался в совершенно неопишуемого монстра. Объем его грудной клетки дошел до 145 см, талии – 137, вес – 250 фунтов. Некогда неумолимые, проворные, жадные до танцев и физических упражнений ноги болели, на одной образовалась незаживающая язва, которую постельничие трижды в день смазывали всякими снадобьями и перевязывали свежими бинтами. Генрих уже давно потерял свою былую привлекательность, но к будущей жене предъявлял высокие требования. Разумеется, бурная семейная жизнь создала ему зловещую репутацию, и невесты, в сторону которых он было обращал свой похотливый взор, без стеснения отпускали по его поводу нелестные

шуточки. Например, недавно овдовевшая шестнадцатилетняя герцогиня Кристина Миланская, племянница австрийского императора, заявила, что, будь у нее две шеи, уж тогда бы она могла отдать одну в распоряжение короля Англии. Рослая француженка Мария из герцогской семьи де Гизов ответила отказом, объяснив, что, хотя она и высока ростом, но шея у нее слишком короткая. Английские дипломаты предусмотрительно закидывали удочку у родителей многих кандидатов, но получали либо решительные отказы, либо уклончивые ответы.

Невеста-протестантка

К этому времени политическая обстановка в Европе приняла неблагоприятный оборот для Англии. Вражда между императором Карлом V и Францией начала затухать, папа Павел III выступил в поддержку мятежников на севере Англии. В начале 1539 года образовался анти-английский альянс, и королевство осталось в политической изоляции без союзников. Томас Кромвель, английский министр, направлявший внешнюю политику Англии, нашел все-таки потенциального союзника в лице герцога Клевского. Его небольшие владения были стратегически благоприятно расположены в низовьях Рейна с выходом на морское побережье вследствие объединения с герцогствами Юлих, Берг и Гельдерн. К тому же Кромвель надеялся закрепить этот союз браком с сестрой герцога Вильгельма Анной.

Герцог Клевский был весьма привержен идее заключения союза с Англией и буквально загорелся выдать сестру замуж за английского короля. Однако мать Анны, вдовствующая герцогиня, выступала против того, чтобы бросить в объятия грубого, подозрительного, развратного и деспотичного короля свою простодушную и добросердечную дочь. Сама Анна, проявлявшая живой интерес к политической деятельности брата, надеялась, что «покорное послушание и смиренная кротость» одержат верх над порочными наклонностями Генриха.

Анна вместе со своими двумя сестрами получила строгое религиозное воспитание, но светское было очень ограниченным: она писала и читала лишь по-немецки, не играла на музыкальных инструментах и не ведала, что есть премудрости поведения в изысканном обществе. Надо сказать, короля предупреждали о том, что «хотя она и получила хорошее образование, но в Германии не заботятся обучать высокородных дам изящным светским искусствам и тонкостям обхождения». Однако Генрих жаждал обзавестись новой супругой как можно скорее, а велеречивые отчеты английского дипломата рисовали раз от раза все более льстиво приукрашенный портрет невесты: «Она затмевает герцогиню Миланскую так же, как золотое солнце серебряную луну. Все восхваляют ее добродетели: ее благовоспитанность, ее стыдливость, кои ясно выказывают благостные выражения ее лика». Эти слова вроде бы подтверждались портретом Анны, написанным художником Гансом Гольбейном Младшим. Невеста была не из бедных: за ней давали приданое в 100 000 золотых гульденов, причем 40 000 выплачивались в день венчания, а прочее – в течение нескольких последующих лет. Это было не так уж плохо для английской казны, истощенной неумеренным мотовством короля и Анны Болейн, также не знавшей удержу своим прихотям.

Так что в ноябре был подписан брачный контракт, и Анна отправилась в путь в сопровождении свиты из 263 персон и 238 лошадей. В Кале, которое тогда еще принадлежало Англии, ее встретили со всеми королевскими почестями, но из-за плохой погоды отплытие состоялось лишь 27 декабря. Сгоравший от нетерпения Генрих в сопровождении всего нескольких дворян, закутанных в плащи с капюшонами, поспешил навстречу своей невесте, которую разместили во дворце епископа в Рочестере. Все было представлено так, будто от короля привезли новогодний подарок. Захваченная врасплох Анна с перепугу потеряла дар речи – она вообразила, что ее хотят похитить, – не узнала короля и, придя в себя, пролепетала нечто невразумительное, поскольку не знала ни слова по-английски. Уже первая встреча разочаровала Генриха: он нашел Анну неказистой и угрюмой. Король удалился со своей свитой, чтобы потом явиться к невесте в полном блеске своего величия. Теперь Анна смущенно низко присела перед ним и произнесла подобающие случаю слова приветствия, но будущий супруг тут же заявил Кромвелю, автору этой затеи:

– Она мне не любя.

Кое-кто уверял, что с его языка сорвалось совсем уж неприличное словосочетание «фландрская кобыла». Кое-кто писал, что король выразился более обтекаемо:

– Можете говорить, что хотите, но она нехороша собой. Она добрая и порядочная, но не более.

Французский посланник Шарль де Марийяк, встретившийся с Анной несколькими днями ранее, описал ее следующим образом: «Выглядела она лет на тридцать, высока и худа, внешность посредственная, лицо решительное и энергичное, недостаток красоты восполняется сильным устремлением воли, выказанным ее ликом».

Генрих тотчас же отложил свадебные празднества на два дня, поскольку решил расторгнуть брачный контракт. Поводом для этого он помышлял использовать данное в далеком прошлом, но все еще сохранявшее силу обещание вступить в брак между Анной и принцем Францем Лотарингским. 5 января 1540 года Анне даже пришлось подписать официальную декларацию, что она не связана никаким другим брачным обязательством. Однако, чтобы не обмануть герцога Клевского, который в отместку мог переметнуться на сторону императора Карла V, брак все-таки был заключен. Наряд невесты поражал своим великолепием: платье из серебряной парчи, расшитое самоцветами, на голове диадема из жемчуга и драгоценных камней, перевитая веточками розмарина, символом супружеской любви и верности.

– Чудесное зрелище, – в один голос твердили присутствующие.

Кромвель не терял надежды, что брачная ночь сблизит супругов, но король на следующее утро заявил:

– Она мне и раньше была не любя, а теперь еще больше. Сердце мое отвернулось от нее, и я больше не желаю участвовать в этой затее.

Король четыре ночи пытался «плотски познать» свою жену, но из этого ничего не вышло. Вину за это король возложил на свою молодую и совершенно неопытную жену. Та, пребывая в полном неведении относительно сексуальной жизни, на расспросы своих придворных дам простодушно отвечала:

– Когда король ложится подле меня, он берет меня за руку, молвит: «Спокойной ночи, дорогая», а утром целует меня и молвит: «До свидания, сокровище мое». Разве этого недостаточно?

Генрих все сильнее выражал свое неудовольствие Кромвелю, постоянно твердя, что не может побороть отвращение в отношении новой супруги. Своим лекарям он жаловался, что тело у Анны столь неприглядное и никудышнее, что не в состоянии возбудить в нем никакого желания. В этом были виноваты «ее отвисшие груди и дряблая плоть».

С юристов сошло семь потов в попытках превратить старое и давно расторгнутое обязательство о вступлении в брак между Анной и принцем Францем Лотарингским в основание для развода. Генрих неустанно твердил, что его брак с Анной фактически не был заключен, она остается девственницей и им суждено жить как брату с сестрой, пока их брак не будет аннулирован. Однако, все нужные юридические изыскания велись тайно, внешне король на официальных мероприятиях вел себя по отношению к жене с изысканной вежливостью. Анне придали штат в количестве 126 человек, а ее немецкую свиту отправили на родину. Новая королева произвела неожиданно благоприятное впечатление на подданных своей скромностью и каким-то тихим обаянием. К тому же, она усиленно засела за изучение английского языка и старалась как можно чаще практиковаться в нем. 24 июня 1540 году Анну под предлогом начавшейся в Лондоне эпидемии чумы отправили в Ричмонд. 25 июня она получила извещение о ее готовящемся разводе с королем.

История четвертого брака короля Генриха VIII с Анной Клевской изложена здесь столь подробно для того, дабы стало понятно, что толкнуло преждевременно состарившегося, больного и психически неуравновешенного человека повести под венец совсем юную, недалекую и страшно ветреную Кэтрин Говард. Именно она и является героиней этого повествования.

Нищая, но родовитая

История Кэтрин Говард (так традиционно принято называть ее фамилию в отечественной историографии, хотя по всем правилам она должна произноситься Хауэрд), в отличие от жизни Анны Болейн, знакома российскому читателю лишь в общих чертах. Между прочим, англоязычным читателям она известна в основном по трудам, более смахивающим на романы, где исторические факты разбавлены изрядным количеством предположений и домыслов авторов. Сохранилось очень немного документов, засвидетельствовавших факты ее жизни; не известно даже относительно точно, когда и где она родилась, не осталось ее прижизненных портретов, но только те, которые, как вежливо говорится в сносках, «традиционно считаются портретами Кэтрин Говард». Тем не менее история ее жизни являет собой прекрасный пример того, как может погубить королеву известная женская слабость, не позволяющая устоять перед красавцем-мужчиной и обзавестись фаворитом.

Кэтрин принадлежала к многочисленному аристократическому роду Говардов, восходящему к шестому сыну короля Эдуарда I. Их заслуги перед королевством были столь велики, что глава семьи получил в награду обширные земли, немалые денежные средства, высшие ордена, а также титул герцога Норфолкского. Как известно, в Англии испокон веков наследство полностью передавалось из рода в род исключительно по праву майората, т.е. старшему сыну, все прочие отпрыски были обязаны добывать хлеб насущный своими трудами. Во время правления Генриха VIII во главе этого многочисленного клана стоял Томас, третий герцог Норфолкский (1443–1594). Невзирая на большое богатство и высокие придворные должности, назвать его жизнь легкой было нельзя, ибо, помимо служения королю и противостояния козням врагов и завистников, вельможа был еще обязан заботиться о членах своего многочисленного семейства. Его отец, второй герцог Норфолкский, был женат дважды и, отойдя в мир иной, оставил после себя безутешную вдову Агнес и, по различным источникам, общим счетом от двадцати одного до двадцати трех человек детей. Поскольку все имущество после смерти герцога отошло старшему сыну Томасу, он считал своим долгом оказывать посильную помощь братьям и сестрам, дабы те, впад в бедность, не опозорили сей славный род бесчестными поступками. Для девушек следовало приискать достойных мужей, а братьев обеспечить должностями, которые дали бы им надежный заработок. Задача была чрезвычайно сложной, ибо государственных должностей в ту пору в Англии было не так много, а желающих занять их – более чем достаточно. К тому же Томас был могущественным лицом, но не всесильным – при дворе шла самая настоящая грызня за милость короля, в особенности такого непредсказуемого и безжалостного, как Генрих VIII. Люди, которые вчера обладали огромной властью, сегодня клали голову на плаху. Но герцог чутко следил за тем, куда указывает стрелка придворного флюгера и ухитрялся оставаться на плаву даже в самые сокрушительные бури. Его положение не пошатнулось даже тогда, когда король предал казни его племянницу Анну Болейн.

Одним из таких обездоленных братьев Томаса был отец будущей королевы, лорд Эдмунд Говард (1478–1539). Еще в отрочестве его пристроили пажом при королевском дворе, далее он участвовал в устройстве рыцарских турниров, в частности, для празднества по случаю совместного коронования Генриха VIII и Катарины Арагонской. То ли ему не доставало цепкой хватки старшего брата, то ли Эдмунд слишком полагался на его покровительство, но он не сумел проявить себя ни на поле битвы, ни в противостоянии придворным интригам. К тому же он польстился на плодородные земли в графстве Кент, принадлежавшие вдове, своей дальней родственнице Джойс Калпипер, и женился на ней. Вместе с солидным приданым та привнесла в семейный очаг ораву из пяти детишек от первого брака. Господь благословил этот брачный союз еще шестью отпрысками, десятым ребенком стала дочка Кэтрин. Лорд Эдмунд любил красивую одежду, карты, пьянствовал, транжирил деньги, так что быстро промотал земли жены

и превратил ее жизнь в сухую каторгу. После рождения одиннадцатого отпрыска леди Джойс в 1531 году умерла, и Эдмунд сбежал от долгов за Ла-Манш, подкинув детей родственникам. Герцогу Норфолку пришлось всерьез заняться устройством дел непутевого брата. Он приискивал ему должность контролера в Кале – нечто вроде ревизора, так сказать, «государева ока». Портовый и торговый город Кале тогда еще принадлежал Англии и зарабатывал для своей островной метрополии большие деньги на таможенных сборах. Толка из Эдмунда так и не вышло: начальство было им недовольно, ибо из Кале поступало слишком мало денег, и, в конце концов, в 1539 году его уволили. Эдмунд женился еще дважды, но детей, слава Богу, больше не появилось. После увольнения он беспробудно пил, как-то в пьяном виде сильно простудился и умер, так и не сподобившись похвастаться в роли тестя короля и вкусить от плодов столь неожиданного возвышения.

На самом деле сведения о жизни Кэтрин Говард исключительно скудны, что не удивительно – великое множество подобных ей отпрысков обедневших знатных семей появлялось на свет и бесследно исчезало во тьме веков. Начнем с точной даты ее рождения: метрические записи не сохранились, предполагаемые даты, установленные косвенным образом, колеблются в небывало широком диапазоне, от 1518 до 1524 года (кое-кто указывал даже 1527 год, но это явно уже выходит за все границы здравого смысла). В любом случае Кэтрин была обделена материнским вниманием: даже если она и не была совсем уж малышкой при жизни матери, вряд ли леди Джойс при таком количестве детей располагала возможностями достойно заниматься их воспитанием. Здесь нелишне напомнить для несведущих, что Кэтрин приходилась двоюродной сестрой казненной Анне Болейн: мать Анны, Элизабет, была родной сестрой отца Кэтрин, лорда Эдмунда.

Кэтрин вместе с братом Чарльзом, сестрами Изабеллой и Мэри была отдана на воспитание вдовствующей герцогине Агнес Норфолк. У той в замке образовалось нечто вроде пансиона для благородных девиц, в котором содержались дочери родственников и знатных аристократических семей, проживавших в сельской местности. Это было вполне в духе того времени: ученые преподаватели были редки, не каждая провинциальная семья могла позволить себе содержать такового, а здесь девочек обучали письму, чтению, счету, женскому рукоделию, благородным манерам, игре на музыкальных инструментах, танцам, светской беседе. Разумеется, на первом месте стоял закон Божий и воспитание в строго религиозном духе. Кэтрин с трудом давались письмо и чтение, ее письма изобилуют массой ошибок, брать книги в руки она также не любила. Девочка была подвижной и веселой, больше всего ей нравились танцы, в которых она и отличалась. К тому же у нее была некоторая тяга к музыке и небольшой голосок.

У герцогини Агнес, управлявшей огромным натуральным хозяйством своих замков, не хватало времени вникать в тонкости воспитания, и она во всем полагалась на нанятых ею наставников. Однако в девушках играла юная кровь, в замке с огромным штатом было много молодых людей, и нередко уже в сумерках в огромный зал, служивший дортуаром для пансионеров, проникали лица мужского пола, склонявшие их не только к греховным мыслям, но и действиям. Особое раздолье царило там в кромешной тьме длинных зимних ночей: герцогиня была скупа и экономила на свечах (даже в часовне замка они зажигались лишь на время службы), к тому же она панически боялась пожаров, этого бича средневековых строений. От любой искры могли вспыхнуть тюфяки пансионеров, набитые соломой, поэтому кровати под пологами были расставлены как можно дальше от камина. Удачным молодым людям удавалось склонять девиц на совершение греха не только заманчивыми речами, но также подарками и сладостями.

Питомицы герцогини сначала проживали вместе с ней в замке Хоршем, но затем там стало тесновато, и хозяйка, прихватив всех чад и домочадцев, переехала в замок Ламбет, который располагался ближе к Лондону. Девушки часами простаивали на берегу Темзы, глаза нарядно украшенные лодки, перевозившие расфранченных придворных в сторону королев-

ского замка Вестминстер. В гости к мачехе теперь чаще приезжал герцог Норфолк, сын покойного мужа герцогини от первого брака. Обычно он появлялся в сопровождении своей свиты, среди которой были молодые, привлекательные и модно одетые люди, не упускавшие случая пофлиртовать с девушками. В одного из них по уши влюбилась и Кэтрин, но сказать, что это была ее первая любовь, нельзя.

Когда девочке было всего тринадцать лет, ее начал преследовать своими домогательствами учитель музыки Генри Мэнокс. Под его руководством Кэтрин пыталась освоить игру на вёрджинеле (разновидности клавесина) и лютне. Кэтрин была жизнерадостной хохотуньей; невзирая на малый рост, у нее рано сформировалась ладная фигурка с соблазнительными округлостями. Были ли ухаживания Мэнокса действительно непритворным увлечением своей ученицей или же он, ничтожный музыкантишка, преследовал свои далеко идущие цели – теперь этого никто сказать не может. Судя по всему, это были эротические игры молодых людей, но, похоже на то, Кэтрин не решилась переступить границу, хотя подруги уверяли ее, что ничего опасного в этом нет. Как-то герцогиня застала обнимавшуюся парочку в укромном уголке замка и задала обоим хорошую головомойку. После этого Мэнокс несколько поумерил свой пыл, а Кэтрин вскоре нашла новый предмет для обожания.

Фрэнсис Дерем (1513–1541), отпрыск довольно знатного рода, но не королевского, как Говарды, произвел сильное впечатление на Кэтрин с первых же дней своего появления в замке. Он состоял в свите герцога Норфолка, а затем служил секретарем вдовой герцогини. Фрэнсис сразу пошел в решительное наступление, и Кэтрин не особо сопротивлялась. Молодой человек пообещал позаботиться о том, чтобы их связь не имела нежелательных последствий. Они вступили в близкие отношения и даже иногда называли друг друга «муж» и «жена». И он, и Кэтрин впоследствии подтверждали, что Фрэнсис несколько раз делал ей предложение, но девушка гордо отвечала:

– Говарды не выходят замуж за Деремов.

Некоторые историки полагают, что, имея хорошее представление о могуществе герцога Норфолка, Дерем задумал сделать карьеру, женившись на его племяннице. Здесь необходимо упомянуть об одной английской традиции того времени: если молодой человек и девушка давали друг другу брачный обет и затем вступали в половую связь, по церковному канону это приравнивалось к браку. Близкие отношения между Кэтрин и Фрэнсисом продолжались около двух лет.

Это вызвало бешенство Мэнокса, который даже написал анонимное письмо вдовой герцогине Норфолк, призывая ее ночью заглянуть за полог кровати Кэтрин. Однако герцогиня всего-навсего пожурила девушку, а Мэнокса уволила. Потом говорили, что Агнес волновало только то, что ночные забавы могут оказать дурное воздействие на внешность ее воспитанницы. Тем не менее свидания под покровом тьмы продолжались, впоследствии Дерем признал, что они занимались тем, «что проделывают муж со своей женой». Кэтрин упорно отказывалась выйти за него замуж. По-видимому, со временем Фрэнсис понял, что из его замысла ничего не выйдет, и уехал в Ирландию, где, по слухам, можно было сколотить себе состояние, занимаясь пиратством. Перед отъездом он оставил Кэтрин на хранение сто фунтов стерлингов, весьма значительную сумму по тем временам, сказав, что, если он не вернется, девушка может считать деньги своими.

Неожиданный поворот судьбы

Надо полагать, что именно тогда, когда ей исполнилось шестнадцать лет и она буквально расцвела, дядя решил, что пришла пора серьезно заняться устройством судьбы племянницы. Она выросла в привлекательную девушку с соблазнительной фигуркой, и весной 1540 года герцог Норфолк пристроил ее во фрейлины ко двору Анны Клевской. Кэтрин была в полном восторге: до сих пор она была вынуждена облачаться в обноски, которые выдавала ей вдовая герцогиня, теперь же дядя справил ей у отличного портного несколько модных платьев из хорошей ткани, дабы она не уронила в глазах придворных честь дома Говардов.

Кэтрин полюбилась Генриху VIII с первого же взгляда. Свежая, здоровая, жизнерадостная, она напоминала ему румяное зрелое яблочко: не зеленовато-желтый, слегка тронутый на бочке розовиной, кисловатый плод сорта Костард из графства Кент, а тот налитый соком, яркий сладкий пепин, что привез в 1533 году из Франции и развел в своих садах его поставщик фруктов Ричард Хэррис. Это яблочко так и звали отведать его, оно катилось ему прямо в руки. Как утверждала вдовствующая герцогиня Норфолк, «его высочество проявил склонность к Кэтрин Говард с первого раза, когда увидел ее». Король тут же начал засыпать девушку дорогими подарками, драгоценностями, мехами, богатыми платьями. Вскоре Кэтрин поселили во дворце Гардинера, епископа Винчестерского, чтобы король мог без особого шума посещать свою новую возлюбленную. Кэтрин также часто получала приглашения в королевский замок Вестминстер, ослепивший ее своим великолепием. Вдовствующая герцогиня Агнес Норфолк держала своих пансионеров в черном теле, пища была скудная, одежда, если ее не обеспечивали более состоятельные родители или родственники, – более чем скромной и весьма поношенной. Во дворце же Кэтрин наедалась до отвала всякими изысканными яствами на пирах и до упаду веселилась на танцах. Именно там встретилась она с Томасом Калпипером, постельничим Генриха VIII и его любимцем.

Калпипер (1513–1541) принадлежал к довольно родовой семье, был очень красив, элегантен и до предела развращен и циничен. Он рано сделал блестящую карьеру при дворе, став постельничим Генриха VIII, а затем получив должность gentleman usher (по обязанностям что-то вроде дворецкого) в королевском доме. Ему также были пожалованы земли. Однако тщеславие молодого человека не знало меры, и он уже видел перед собой другие горизонты. Томас полагал, что для него не существует никаких запретов. В документах того времени остались сведения о том, как он изнасиловал жену охранника парка какого-то королевского замка (упоминались омерзительные подробности того, что несчастную женщину по просьбе постельничего держали четверо его спутников), а когда взбешенный муж созвал местных жителей, чтобы задержать насильника, тот ударом ножа убил одного из них. За убийство любому подданному короны полагалась смертная казнь, но король помиловал своего любимца, уверившего его, что он действовал исключительно в целях самозащиты. Некоторые историки полагают, что преступление совершил не сам Томас, а его старший брат, которого также звали Томас, но это не особенно меняет дело.

Уже 25 июня ничего не подозревавшая Анна Клевская получила извещение о предстоящем аннулировании ее брака. При этом было важно не вызвать гнев ее брата-герцога, а потому требовалось некоторое содействие Анны. Она, памятуя трагическую судьбу своей тезки, заявила, что согласна со всем и подписала подsunутое ей формальное отречение. Генриху понравилось ее разумное поведение, и он проявил несвойственное ему мягкосердечие, назвав ее «доброй сестрой». Далее 6 июля состоялось заседание парламента, на котором члены обеих палат высказали королю сомнение в законности его брака с королевой Анной. Основанием для этого послужил некогда данный обет Анны принцу Лотарингскому. Монарх заявил, что вступил в этот брак против своей воли, а поэтому не стал пользоваться своими супруже-

скими правами, и брак является недействительным, каковым он и был немедленно объявлен. Прямо на заседании парламента был арестован и отправлен в Тауэр министр Кромвель, склонивший короля на заключение этого брака, причем одолевший соперника герцог Норфолк полностью наслаждался местью, лично сорвав с его шеи орден Св. Георгия. Кромвелю было предъявлено обвинение в государственной измене и ереси.

С разведенной королевой Генрих расстался мирно. За ней, как за «сестрой короля», сохранялось превосходство над всеми прочими знатными дамами, она считалась первой по рангу после короля и его детей. Ей обеспечивалось содержание 8 000 фунтов в год, в ее распоряжение для проживания были предоставлены замки Ричмонд с огромным парком и Блечингби с охотничьими угодьями. Для обстановки замков туда были отправлены ценные ковры и гобелены, золотая и серебряная посуда, различные предметы домашнего обихода. Лично ей были выделены дорогие туалеты и множество драгоценностей. Невзирая на роскошный образ жизни разведенной королевы, посланник герцога Клевского, доктор Карл Харст считал Анну «полуузницей». Все было обставлено таким образом, будто Анна остается в Англии добровольно. 9 января 1541 года она принесла присягу верности английскому королю и переехала в замок Хивер, где в относительной независимости проживала как богатая вдова, прославившаяся в округе своей щедростью и благотворительными деяниями. Анна умудрилась поддерживать хорошие отношения как с королем, так и с его пятой супругой. Сохранилось упоминание о том, как они вместе танцевали на одном из придворных приемов.

Бракосочетание короля и Кэтрин состоялось 28 июля 1540 года во дворце Оутлэндс – в тот же день в Лондоне был казнен Томас Кромвель, причем, как это, к прискорбию, случалось нередко, палач не сумел отсечь жертве голову с первого удара меча.

Генрих считал обряд бракосочетания чисто приватным делом, и потому на нем присутствовали только придворные из самого ближнего круга. Кэтрин нарядили в платье из светло-коричневого бархата, из-под коротких рукавов, отделанных широкими манжетами собольего меха, ниспадали разрезные рукава из светло-зеленого атласа. Корсаж платья был расшит драгоценными камнями, а квадратное декольте украшено жемчугом. Каштановые волосы невесты были гладко зачесаны по сторонам головы и разделены посередине ровной ниткой пробора; над ними возвышалось то, что называли чепцом, но на самом деле это было нечто вроде шляпы в форме полумесяца, украшенной драгоценными камнями, с нижней кромки свисали огромные жемчужины. Шею обвивали широкие цепи, инкрустированные рубинами и изумрудами, перемежающимися с жемчужинами. На короткой цепи была закреплена подвеска из большого рубина и еще более крупного изумруда, заканчивавшаяся внушительного размера каплевидной жемчужиной. С пояса, также инкрустированного драгоценными камнями, свешивался помандер, аксессуар средневековых кавалеров и дам, давно исчезнувший из обихода. Стоит упомянуть о плачевном состоянии гигиены в те времена, когда даже самые знатные люди годами не мылись и от них исходил ужасающий запах. В попытке заглушить эту тошнотворную вонь использовались ажурные яйцевидные сосуды из драгоценных металлов, украшенные драгоценными камнями и жемчугом, в которые закладывались вещества, источавшие приятный запах: гвоздика, корица, мускатный орех или кусочки амбры. Они-то и назывались «помандеры», по-французски это означало «мускусное яблоко». У Кэтрин было несколько помандеров, один из которых, изящное изделие из золота, богато украшенное рубинами и жемчугом, она подарила своей падчерице, будущей королеве Марии I, печально известной в истории под прозвищем «Кровавая».

Казна королевства была пуста, откуда же взялись все эти украшения, которыми король осыпал свою избранницу? После отделения от католической церкви король конфисковал имущество соборов и монастырей. Только из часовни святого Томаса Бекета было вывезено два сундука ювелирных изделий, каждый из которых с превеликим трудом поднимали 7–8 дюжих молодцев. Церковные же здания были выставлены на продажу. Одно такое, аббатство Ньюстед,

купил предок великого английского поэта Джорджа Байрона, приспособил его для проживания, и тот провел в нем годы своей юности и молодости, оставившие свой след в его творчестве.

Король появился в одеждах из золотой парчи с алмазными пуговицами, могучая шея была отягощена толстыми цепями. Герцог Норфолк, выступая в роли покойного отца племянницы, подвел ее к жениху. Вдвоем они представляли несуразную пару: Кэтрин была на 30 сантиметров ниже и выглядела подле тучного и неповоротливого жениха чрезвычайно хрупкой и невинной. Кстати, современники не выражали особых восторгов по поводу ее внешности. Французский посол Марийяк считал ее «посредственной», хотя ему нравились изящные движения, приятная манера в разговоре и элегантная одежда.

Епископ Боннер прочел положенный по канону текст из Библии. Кэтрин поклялась хранить верность королю «в горе и радости, в богатстве и бедности, в болезни и здравии, в постели и за столом быть бодрой и веселой, пока смерть не разлучит нас». Кэтрин получила королевский герб, в котором стоял поистине провидческий девиз: «Ничья воля, кроме Его». В качестве своей эмблемы она выбрала коронованную розу, возможно, проявив некоторую поспешность: ее коронование должно было состояться лишь после рождения наследника. Король Генрих все еще не терял надежды стать отцом, ибо Кэтрин происходила из плодovитой семьи.

Молодая жена, которая знала толк в любовных утехах, вдохнула в Генриха заряд молодости. Он уже пребывал в том возрасте и в том пошатнувшемся состоянии здоровья, когда для возбуждения ему требовалась инициатива партнерши. Кэтрин же после связи с Деремом воспринимала выполнение супружеских обязанностей как занятную игру, доставлявшую ей удовольствие, и не знала стеснений, свойственных предыдущим супругам короля. Как Генрих не заметил, что она уже не была девственницей, и не задумался, откуда у нее хватки опытной женщины, – навсегда останется загадкой. Видно, это увлечение на склоне лет совершенно ослепило его. Он называл молодую жену и «зардевшей розой без шипов», и «перлом женственности», потакал всем ее капризам и не переставал осыпать самыми различными подарками: штуками редкостных тканей, дорогими украшениями или грамотами на пожалованные в разных графствах Англии либо земли, либо строения. 8 августа он объявил о своем новом браке и приказал регулярно служить в храмах благодарственный молебен за дарованное ему Господом счастливое супружество.

Кэтрин с упоением принялась играть роль королевы, привнеся в нее много чисто ребяческого. Ей ужасно нравилось каждый день надевать платье с иголки, сшитое по последней французской моде, часами разучивать новые танцевальные па под руководством придворного танцмейстера-итальянца, упражняться в игре на лютне и пении, придумывать различные увеселения. Разумеется, ни о какой ее роли в политике и речи быть не могло. Она ввела в свой штат многих женщин и девушек из числа тех, кто воспитывался вместе с ней под началом вдовствующей герцогини Агнес Норфолк. Сама Агнес получила должность статс-дамы, обязанности которой она исполняла чисто номинально, выпросив себе разрешение удалиться в свой замок Ламбет, нуждавшийся в хозяйском присмотре. Кэтрин также сделала своей фрейлиной мачеху, последнюю жену покойного отца, Маргарет Говард, оставшуюся без средств к существованию после смерти мужа. По указанию дяди она приняла на должность камер-фрау Джейн Болейн, леди Рочфорд, вдову брата Анны Болейн, Джорджа, казненного вместе со своей сестрой. И вскоре она была вынуждена назначить личным секретарем Фрэнсиса Дерема.

По-видимому, надежды, возложенные молодым человеком на замысел поймать удачу в Ирландии, не оправдались. Естественно, прослышав о невероятном счастье, которое привалило его бывшей «женушке», Дерем немедленно отправился в Лондон, заявился к новоиспеченной королеве и весьма развязно потребовал от нее пристроить его при дворе, в противном случае он готов рассказать первому встречному историю их прошлого романа. Это был чистой воды шантаж, но до смерти напуганная Кэтрин уступила бывшему любовнику. Это стало первым шагом к ее падению.

А вторым стала связь с Томасом Калпипером. Некоторые историки считают, что сам Калпипер не испытывал особых чувств к ней, но лелеял далеко идущие планы. Как постельничий, он прекрасно знал о быстро ухудшившемся здоровье короля и надеялся, что после смерти своего повелителя сможет приобрести значительную силу в качестве супруга вдовы. Кэтрин же попала в сети этого опытного соблазнителя и была готова на все, лишь бы время от времени иметь возможность замирать от страсти в его объятиях. Как это ни странно, помогать ей в организации тайных свиданий вызвалась леди Рочфорд. Видимо, тяготы опалы, в которую она угодила после казни супруга Джорджа, брата Анны Болейн, и золовки, несколько подзабылись. Ей удавалось проводить Калпипера даже в покои королевы, когда Генрих уезжал. Она же передавала письма Калпиперу. Одно из таких посланий от Кэтрин – вы поймете, почему их было, по всей видимости, немного, – сохранилось в подлиннике. Оно уснащено таким количеством ошибок, что вполне способно вызвать смех:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.